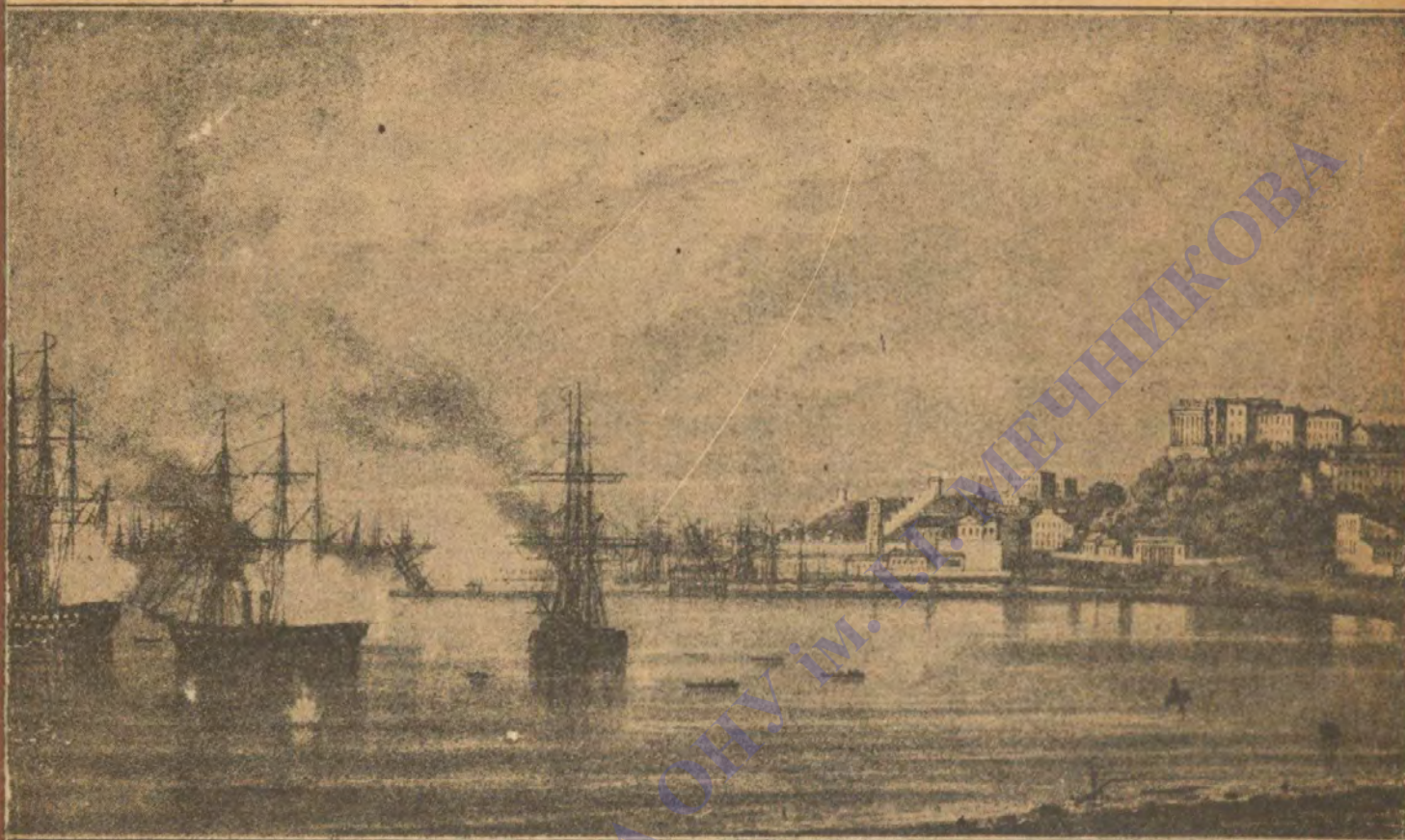

В. Черемисиновъ.

Нападеніе
англо-французскаго флота
на Одессу

ВЪ **1854** ГОДУ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

ШИЛЬДЕРЪ

3877

Цѣна 20 коп.

В. Черемисиновъ.

Нападеніе
англо-французскаго флота
на Одессу

ВЪ **1854** ГОДУ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

ШИЛЬДЕРЪ

3877

Цѣна 20 коп.

**Нападеніє
англо-французскаго флота
на Одессу**

ВЪ **1854** году.

Къ 50-лѣтію боевого крещенія города.

РАЗСКАЗЪ
для войскъ и народа
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
Капитана Черемисина.

(съ портретами и рисунками).

ОДЕССА.

„Коммерческая“ типографія Б. Сапожникова, Ришельевская 27.

1904

Дозволено цензурою. Одесса, 18 Февраля, 1904 г.

ШИЛЬДЕРЬ

3877

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕННИКОВА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Жителямъ Нашего любезно-вѣрнаго г. Одессы.

Англійскій и французскій флоты, войдя въ Черное море, устремились, тому нѣсколько дней, на мирный и открытый европейской торговлѣ городъ Одессу.

Генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, свидѣтельствуя о блистательномъ мужествѣ, съ которымъ покушенія непріятеля отражены были военною силою, довелъ также до Нашего свѣдѣнія, что среди угрожавшей жителямъ опасности, внутреннее спокойствіе соблюдалось ими безъ малѣйшаго нарушенія и, что они съ примѣрнымъ усердіемъ исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей.

Сознаніе долга, указуемаго святою вѣрою и преданностью къ Престолу, одушевляетъ, къ искреннему утѣшенію Нашему, всѣхъ любезныхъ Намъ вѣрноподанныхъ.

Въ Одессѣ же достохвальное чувство это явилось въ полномъ развитіи подъ громомъ непріятельскихъ орудій.

Твердость и самоотверженіе жителей сего города не могли не обратить на себя Нашего вниманія и Намъ пріятно изъявить всѣмъ сословіямъ онаго по этому случаю особенное Наше благоволеніе.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ,
26 апрѣля 1854 года.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕРСНИКОВА

ГЕНЕРАЛЬ-ОТЪ-КАВАЛЕРІИ
БАРОНЪ

А. В. КАУЛЬБАРСЪ.

Командующій войсками Одесскаго Военнаго Округа.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ
БАРОНЪ

Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНЪ.

Командовавшій въ 1854 г. войсками въ Бессарабіи и въ Херсонской губ., по правому берегу р. Буга.

Пѣсня Щеголева.

Стоимъ!... и прахъ родной земли
Мы обагримъ своею кровью!
Къ своимъ мы пушкамъ приросли—
Мы крѣпки къ родинѣ любовью!

Пусть сыплютъ ядра надо мной,
Пускай мы ранами покрыты,
Но этотъ постъ сторожевой
Мы не оставимъ безъ защиты!

Пусть во сто кратъ сильнѣе врагъ,
Мы честь хранимъ родного края
И время-ль намъ извѣдать страхъ,
Родное знамя обнимая?!...

Стоимъ!... и прахъ родной земли
Мы обагримъ своею кровью!
Къ своимъ мы пушкамъ приросли—
Мы крѣпки къ родинѣ любовью!

(„Одесскій Вѣстникъ“, 1854 г.)

Солоно хлебали.

Словно тучи изъ-за лѣсу
Навалились на Одессу
Англичанинъ и французъ;
Вишь у турокъ взголодались,
Такъ до хлѣбца добирались...
Только, что-то первый кусъ
Не пришелся имъ на вкусъ.

Для Христова Воскресенья
 Имъ такого угощенья
 У Одессы поднесли,
 Что кораблики иные
 Отъ похмѣлья, какъ шальные,
 Еле ноги уплели...
 Наскочили очень прытко,
 Да забыли, что попытка
 Въдь не шутка иногда.
 Не вините господа,
 Что десертъ не очень сладокъ;
 На Руси такой порядокъ:
 Хочешь кушать, такъ изволь,
 Но гдѣ хлѣбъ, тамъ ужъ и соль!
 Въ этомъ мы не виноваты;
 Не взывайте, чѣмъ богаты,
 Тѣмъ и рады угощать!
 Просимъ впередки поспѣвать!...
 Батарейки невелички
 И стрѣляли съ непривычки;
 Но, кажись, на первый разъ
 Важно угостили васъ
 И употчивали сытно...
 Знать бы очень любопытно:
 Что то станутъ говорить,
 Какъ то насъ благодарить
 Тамъ начнутъ за угощенье
 И описывать сраженье?...
 Ихъ журналы мастера
 Пули отливать съ пера!
 Вотъ, я думаю, расскажутъ,
 И распишутъ и размажутъ,
 Что они и то, и то,
 Мы же, русскіе, ничто!
 Ужъ теперь они съ досады,
 Чай рассказывать пошли:

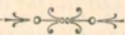
Что у насъ они пожгли
 Цѣлый городъ и посадки
 И безъ счету корабли;
 Что людей всѣхъ перебили,
 Пушки всѣ перетопили,
 Все до крошки истребили,
 И что только оттого
 И не взяли ничего.
 Впрочемъ, ежели-бы въ этомъ
 Довѣрять чужимъ газетамъ—
 Дыбомъ волосы встаютъ—
 Такъ они насъ сильно бьютъ.
 У меня кума считала,
 Что, по ихъ газетамъ, пало
 На Дунаѣ, въ этотъ годъ,
 Русскихъ тысячъ восемьсотъ!
 Только, какъ ни убиваютъ,
 А войска не убываютъ!...
 Что за чудныя войска?!
 Ужъ журналы пишутъ, пишутъ,
 (Знать у нихъ рука легка),
 Что разбиты, еле дышутъ,
 Отступаютъ и бѣгутъ...
 Смотришь-анъ впередъ идутъ!
 Вотъ народъ заговоренный!
 Ужъ не то, что ракъ вареный,
 Красный англійскій солдатъ,
 Что мечтаетъ лишь о грошахъ,
 На войну идетъ въ калошахъ
 И тогда лишь только хватъ,
 Если выспался онъ въ волю,
 Да пользъ въ извѣстный часъ,
 А безъ этого, такъ—насъ!
 Проклинаетъ злую долю
 И готовъ задать стрелка.
 Правда, въ полъ, какъ попало,

Можно-ль спать безъ одъяла
 И ночного колпака,
 И безъ пудинга быть сыту?
 Мудрено-ли тутъ быть биту.
 Нашимъ въ полъ все пустякъ:
 Есть что—съѣсть, а нѣтъ—и такъ...
 Гдѣ попало, легъ, свернулся;
 Сборъ ударятъ—всталъ, встряхнулся,
 Остънилъ себя крестомъ
 И пошелъ пахать штыкомъ.
 Храбръ и сытый, и голодный,
 Воинъ Божій, благородный;
 Съ нимъ Господня благодать
 Нерушимо пребываетъ;
 Онъ въ бѣдѣ не унываетъ;
 За него, онъ это знаетъ,
 Молится Россія—Мать;
 И Отецъ его Державный
 Царь Великій, Православный,
 Мыслью всюду съ нимъ идетъ
 И стопы его блюдетъ!...

Старый служивый.

(„Русскій Инвалидъ“, 1854 г.)

Великая Суббота въ Одессѣ 10 апрѣля 1854 г.

Одесса!... вѣчною покрылася ты славой,
 Когда въ субботній день, день скорби величавой
 Два адмирала въ разъ, Дундасъ и Гамеленъ,
 Громили пушками ряды домовъ и стѣнъ.
 И перещеголялъ ихъ прапорщикъ отважный,
 Нашъ чудо-Щеголевъ, артиллеристъ присяжный,
 Заставивъ замолчать ихъ трехсотъ-зѣвный вой
 Сначала четырьмя, двумя, потомъ одной.
 И ядеръ мѣткостью и силой ихъ полета

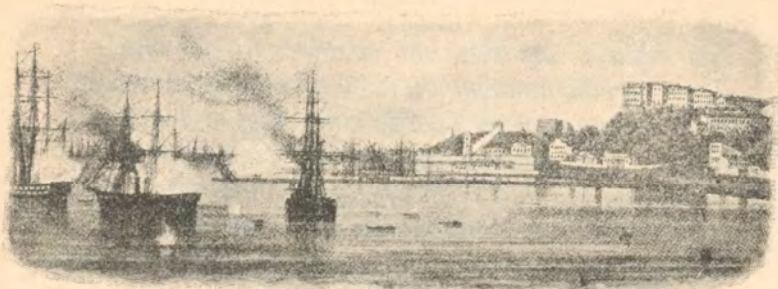
Три выбилъ корабля изъ вражескаго флота.
 День скорби вышней былъ и ангеломъ хранимъ
 Несъ архипастырь Гробъ, какъ древле Никодимъ.
 И тѣло Господа поверхъ главы сіяло,
 И вдругъ, у храма стѣнъ, ядро безбожно пало,
 И громъ словесъ тогда отверзъ его уста,
 И горе онъ изрекъ на тѣхъ враговъ безславныхъ,
 На прерывающихъ моленья православныхъ
 У гроба—всѣхъ людей Спасителя Христа!

С. Шевыревъ.

(„Одесскій Вѣстникъ“, 1854 г.)

Нападеніе англо-французскаго флота на Одессу

въ 1854 году.

ТРЕВОЖНОЕ время переживала Россія 50 лѣтъ тому назадъ. Не успѣли затихнуть громкіе клики торжества нашихъ побѣдъ надъ турками, какъ въ водахъ Чернаго моря показался соединенный англо-французскій флотъ. Убоявшійся нашего могущества врагъ—шелъ на помощь туркамъ. Христіане,—французы и англичане, стали на защиту мусульманъ противъ христіанъ-же русскихъ. Много крови было пролито въ этой войнѣ, много могилъ появилось на берегахъ Чернаго моря, но Богъ хранилъ русскіе города, оставшіеся и понынѣ въ нашей власти.

Первымъ изъ подвергшихся нападенію и спасенныхъ городовъ была Одесса. Хотя жители ея и знали о прибытіи врага въ Черное море, но были спокойны. Они думали, что гроза разразится у Севастополя—

мѣста стоянки нашего военнаго флота, а не въ мирномъ, на половину заселенномъ иностранцами, торговыми русскимъ хлѣбомъ, городѣ. И въ одесскихъ гаваняхъ развѣвались попережнему не грозные военные флаги, а торговые—мирныхъ купеческихъ кораблей. За исключеніемъ военнаго начальства, во всемъ городѣ, почти лишенномъ войскъ, никто не готовился къ нападенію противника.

По приказанію Императора Николая I, на берегу было устроено всего шесть земляныхъ батарей: одна на Панжеронѣ, тыломъ къ Чумному кварталу, двѣ на Карантинномъ молѣ, двѣ подъ Приморскимъ бульваромъ, по обѣимъ сторонамъ большой бульварной лѣстницы и одна—на концѣ Военнаго мола.

Чѣмъ врагъ не шутить, а береженного и Богъ бережетъ!

Но не успѣли мы закончить нашихъ работъ на батареяхъ, какъ 27 марта 1854 г. показался у Одессы громадный англійскій военный пароходъ „Фюри“.—Не какъ честный гость, подъ флагомъ своей націи, а крадучись, подходилъ англичанинъ все ближе и ближе къ нашей гавани.

Два холостыхъ пушечныхъ выстрѣла грянули на встрѣчу вѣроломному врагу. И только тогда поднялъ „Фюри“ свой флагъ и, не бросая якоря, остановился подъ парами вблизи города. Къ берегу направилась шлюпка подъ переговорнымъ флагомъ.

— Въ Одессѣ-ли еще англійскій консулъ?—спросилъ посланный англичанинъ и, узнавъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ консулъ уѣхалъ—отчалилъ назадъ къ своему фрегату.

Но не того, видно, надо было великану пароходу „Фюри“. Не отвѣта ждалъ онъ, двигаясь все дальше и дальше въ заливъ и высматривая расположеніе нашихъ батарей. Тогда командиръ батареи, возведенной въ порту на Карантинномъ молѣ, получившій при-

казаніе не подпускать непріятельскихъ судовъ на пушечный выстрѣлъ, выпустилъ четыре каленныхъ ядра въ „Фюри“.

Одно изъ нихъ съ трескомъ врѣзалось въ кожу хъ колеса англійскаго парохода, заставивъ его повернуть и скрыться въ морѣ.

Столь быстрое исчезновеніе непріятельскаго корабля не успокоило, однако, жителей: за этимъ первымъ грознымъ предвѣстникомъ, предвидѣли они серьезное нападеніе на городъ.

Не долго заставили дожидать себя жданные, но непрощенные гости.—Въ четвергъ 1 апрѣля, рано утромъ, показались непріятельскіе корабли.

Огромныя толпы народа собирались на бульварѣ, откуда виднѣлись три остановившіеся на почтительномъ разстояніи парохода: два англійскихъ и одинъ французскій. Но не всѣ спокойно наблюдали стройно высившіяся громады вражескихъ кораблей: многіе изъ прибрежныхъ жителей переселялись въ отдаленныя предмѣстья, другіе запасались провизіей, боясь, что потомъ ее трудно будетъ достать.

Въ это время съ непріятельской эскадры былъ посланъ на шлюпкѣ командующему войсками, генералъ-адъютанту барону Дмитрію Ерофѣевичу Остенъ-Сакену, запросъ, по какой причинѣ и праву стрѣляли съ нашей батареи въ англійскую переговорную лодку.

— Не въ переговорную лодку стрѣляли мы, а въ вашъ, безъ флага подошедшій слишкомъ близко корабль,—отвѣтилъ баронъ Остенъ-Сакенъ.

Получивъ этотъ справедливый отвѣтъ, корабли не ушли сразу, а, пользуясь дальностью разстоянія и невозможностью стрѣльбы по нимъ, стали промѣрять дно залива. На нашихъ глазахъ принялись они ловить каботажныя суда съ грузомъ у береговъ Одессы.—Какъ хищники, бросались они на мирныя, невооруженныя, купеческія баржи и суда вплоть до 4 апрѣля, когда,

забравъ ихъ съ собою, отплыли къ Константинополю. Враги не постыдились даже пустить въ ходъ пушки, для захвата убѣгавшихъ утлыхъ суденышекъ.

— Да, будетъ бой!... настоящій бой!... слышалось повсюду. Но мы не дадимъ себя дешево въ обиду, стоимъ за себя!... Есть въ нашемъ богатомъ городѣ и денегъ, и хлѣба вдоволь, есть у насъ и защитники—наше воинство!...

Но, къ сожалѣнію, войска то въ Одессѣ было очень немного. Весь гарнизонъ ея состоялъ изъ 6000 штыковъ, 3000 сабель и 76 полевыхъ орудій. Гарнизонъ этотъ имѣлъ въ своемъ составѣ слѣдующія части:

Пѣхота:

16 резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ отъ полковъ:

Мушкетерскихъ:	{	Азовскаго
		Днѣпровскаго
		Томскаго
		Колыванскаго
Егерскихъ:	{	Украинскаго
		Одесскаго
		Подольскаго
		Житомирскаго

Кавалерія:

1 бригада 6 легкой кавалерійской дивизіи:

Уланскіе полки:	{	Эрцъ-Герцога Карла Фердинанда
		(Бѣлогородскій).
		Графа Никитина (Чугуевскій).

Двѣ сотни Дунайскаго № 2 казачьяго полка.

Артиллерія:

Резервныя батареи №№ 10 и 13 (батареинныя) и №№ 14 и 15 (легкія), сводная батарея 14 артиллерійской бригады и конно-легкія батареи №№ 11 и 20.

Въ резервѣ у насъ еще оставалась резервная уланская дивизія у г. Вознесенска и цѣлая 16 пѣхот.

дивизія, запоздавшая въ пути и неподоспѣвшая въ самый разгаръ опасности.

Расположенные на стоянку по обывательскимъ квартирамъ полки почти вездѣ находили теплый привѣтъ и ласку. Хлѣба вдоволь, чарку — другую вина, щи или борщъ съ говядиной — предлагали хлѣбосольные хозяева своимъ будущимъ защитникамъ, солдатикамъ.

Не дремало и начальство: неоконченныя батареи быстро подходили къ концу и къ Вербной недѣлѣ были уже готовы угостить каленными запасами милаго друга.

Кушай, молъ, на здоровье!

Только запасу-то этого было не особенно много, для такого знатнаго и сильнаго гостя: всего на всего, на всѣхъ шести батареяхъ, 48 орудій!...

Сильнѣе другихъ была вооружена Ланжероновская батарея. Здѣсь, на высокихъ кручахъ, стояло 6 мортиръ и 2 единорога. На обѣихъ батареяхъ Карантиннаго мола находилось 22 пушки, на двухъ прибульварныхъ батареяхъ 14 пушекъ и единороговъ, а на концѣ Военнаго мола — всего лишь 4 пушки.

Хотѣли устроить еще одну батарею на концѣ Канатной улицы, на крутомъ морскомъ берегу, да не хватило казенныхъ пушекъ. Но нашелся не пожалѣвший для святого дѣла защиты города своихъ кровныхъ денегъ, италіанецъ, карантинный боцманъ Луиджи Мокки. На свой собственный счетъ нанялъ онъ рабочихъ и сталъ сооружать на этомъ мѣстѣ батарею. Розыскалъ онъ въ порту и 6 старыхъ заброшенныхъ пушекъ для своей батареи, а для дѣйствія при нихъ, договорилъ „вольную“ прислугу. Всѣ эти приготовления потребовали слишкомъ много времени и новой батареи не пришлось принять участія въ бою.

Все время отъ второго апрѣля ждала Одесса врага. Прошло шесть тревожныхъ дней. На фонтанскомъ маякѣ былъ устроенъ телеграфъ, передававшій свѣдѣнія въ Одессу.

— Идетъ непріятель, — сообщилъ 8 апрѣля въ 8 часовъ 15 мин. пополудни грозное извѣстіе маякѣ.

Далеко въ туманѣ показался вражескій флотъ. Въ 10 час. 45 мин. утра, когда непріятельскіе корабли приблизились къ Одессѣ на разстояніе 14-ти миль, можно было рассмотреть, что ихъ 24: двадцать парусныхъ и четыре парохода.

Выстроившись въ боевой порядокъ, подходили они къ Одессѣ.

Одинъ корабль предупреждалъ иноземныя купеческія суда, стоявшія на нашихъ гаваняхъ, чтобы они могли заблаговременно удалиться на взморье.

Къ 7 час. вечера англо-французскій флотъ сталъ на якорь. На трехъ пароходахъ взвился англійскій флагъ.

А, между тѣмъ, продолжавшіяся всю Страстную недѣлю богослуженія не прекращались. Толпы народа стекались въ храмы, гдѣ духовенство святыми службами и ободряющими проповѣдями поддерживало усердіе и вѣру въ защиту Бога православныхъ христіанъ. И бодрящее слово, и примѣръ Спасителя — поднимали духъ православныхъ. — „Коли Сынъ Божій пострадалъ за насъ грѣшныхъ, намъ-ли жалѣть живота для защиты своихъ братьевъ?!“ — говорили они.

Чудная погода позволяла громадной толпѣ на берегу моря разглядывать выстроившіяся полукругомъ непріятельскія суда. Какъ жадные коршуны, расположились они на стражѣ, но не дремала и Одесса, собираясь честью встрѣтить варварское нападеніе.

Въ собравшейся на бульварѣ толпѣ слышались смѣхъ и разговоры.

— Ишь, воронье, замѣтилъ дюжій мужичекъ, направляя окладистую русую бороду, вишь плавать научились! Эва-те, крылья распустили, да клюва заострили. А что служба, — продолжалъ мужичекъ, обращаясь къ проходящему солдату, — чай нехристи припасли не-

малую толику крупнаго гороху православнымъ на угощенье?

— Не замай,—отвѣтилъ солдатъ,—пусть ихъ куражатся; они намъ гороху поднесутъ, а мы ихъ уважимъ, да киселя наваримъ!.....

А для чего-же они такъ далеко остановились? Почитай версты съ три отъ пристани будетъ, сказалъ кто-то изъ толпы, а-ль кого поджидаютъ еще что-ли?

Такъ толкуя, долго не расходился народъ, несмотря на наступавшія сумерки и только, когда подошла ночь и полная тьма спустилась надъ бульваромъ, онъ понемногу опустѣлъ.

Въ Страстную Пятницу съ разсвѣтомъ поднялся весь городъ. Церкви наполнились молящимися. На улицахъ царило необычайное оживленіе: часть населенія переселялась въ предмѣстья, другая, болѣе храбрая, спѣшила на бульваръ.

Но все утро и полдень грозный непріятельскій флотъ не подавалъ никакихъ поводовъ къ тревогѣ, мирно покачиваясь на голубыхъ волнахъ.

— Что-же это значить?... неужели мы такъ и будемъ разсматривать другъ друга?—недоумѣвали въ толпѣ.

Внезапно съ непріятельскихъ кораблей раздались звуки музыки.

— Тьфу ты, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, и въ Страстную Пятницу пѣсни играютъ, да еще душегубство замышляютъ. Съ нами крестная сила! Прости Господи!...

Что это они?... али палить собираются?... заговорилъ статный парень, засучивъ рукава и молодецки подбочениваясь.

— Эхъ ты, пустая голова!—перервалъ его служивый,—далече больно! Зубъ не хватить; вишь ты, солнышко скоро сядетъ, на ночлегъ собрались, якоря спустили!

Но вотъ пробило 3 часа... Отъ эскадры отдѣлился одинъ пароходъ и пошелъ на рейдъ, откуда выслалъ шлюпку къ берегу подъ переговорнымъ флагомъ. На встрѣчу ему былъ спущенъ карантинный барказъ.

— Должно быть пардону запросилъ... увидѣлъ, что насъ, сколько не стой, не запугаешь...—пошли новые толки и догадки.

Но, увы!—Не пардону просилъ лютый врагъ: дерзкое требованіе послалъ онъ командующему войсками барону Остенъ-Сакену.

Вы-де, молъ, 27 марта въ нашу мирную шлюпку стрѣляли, а потому должны передъ нами, французами и англичанами, отвѣтъ держать. Требуемъ мы отъ васъ удовлетворенія: извольте немедленно отдать намъ всѣ суда, стоящія въ одесскихъ гаваняхъ и свои, и наши. Если-же до заката солнца вы не согласитесь на наши условія, мы, хотя, и жалѣемъ, но должны наказать васъ силою.

Подъ письмомъ подписались два адмирала: французскій—Гаммеленъ и англійскій—Дундасъ.

Ничего не отвѣтилъ командующій войсками дерзкому врагу, а приказалъ готовиться къ бою.

Это былъ единственный возможный отвѣтъ на неслыханную дерзость.

Шло великое богослуженіе: начиналось погребеніе Пречистаго Тѣла Господня. На площадяхъ, вокругъ церквей, толпы народа ожидали выноса Плащаницы.

Наконецъ, открылись двери храмовъ, откуда, подъ звуки торжественнаго пѣнія, показались шествія. Особенно благочестиво проходили въ этотъ страшный день службы. И когда колѣнопреклоненный народъ увидѣлъ Тѣло, пострадавшаго за насъ Сына Божія и услышалъ стройное ободряющее пѣніе духовенства и клира, вѣра въ Бога и въ собственное спасеніе обуяла

сердца молящихся и страхъ грозящей опасности не нарушилъ благолѣпія ихъ молитвы.

И въ виду непріятельскаго флота, шествія продолжались, а православные христіане громко пѣли съ причтомъ: „Святой Боже, Святой Крѣпкій, Святой Безсмертный—помилуй насъ!“

Всю ночь, до пяти часовъ утра, готовились къ бою непріатели: производили ученья, перемѣняли и убирали паруса.

Наступило утро Страстной Субботы 10 апрѣля 1854 г. Въ 5 ч. 20 мин. снялся съ якоря первый непріятельскій пароходъ. Къ шести часамъ къ нему присоединились еще 7 кораблей и всѣ вмѣстѣ пошли на Одессу.

Въ 6½ часовъ утра грянулъ первый выстрѣлъ, потрясшій мирный городъ.

Противникъ открылъ пальбу по всей линіи.

Одинъ изъ пароходовъ отдѣлился отъ эскадры и завязалъ перестрѣлку съ Ланжероновской батареей. Тщетно пытался онъ стать внѣ выстрѣловъ этой батареи: куда не двигался фрегатъ, туда направлялъ и свои пушки командиръ батареи—подпоручикъ Винокуровъ. Палуба непріятельскаго судна получила нѣсколько пробоинъ, а одинъ изъ барказовъ былъ разнесенъ въ куски. Фрегатъ принужденъ былъ отступить.

Батарея № 3, расположенная на оконечности Карантиннаго мола, боролась съ двумя непріятельскими кораблями и мѣткіе залпы ея 16 пушекъ разбили корму одного изъ нихъ.

Тогда, обозленный своими неудачами врагъ съ яростью набросился на 4 пушечную батарею прапорщика Щеголева на оконечности Военнаго мола, а также на стоявшіе въ Практической гавани пароходы: „Андія“ и „Днѣстръ“. Капитаны этихъ судовъ, видя невозможность спасти ихъ отъ града выстрѣловъ, открыли краны и затопили свои корабли. Благодаря глубинѣ залива, непріятельскіе пароходы зашли въ тылъ

Бой Щеголевской батареи съ англо-французскимъ флотомъ 10 апрѣля 1854 года.

(Изъ гравюж. листка Гилла).

Щеголевской батареи, что мѣшало храброму прапорщику отстрѣливаться всѣми 4-мя пушками и онъ могъ наносить вредъ врагу сперва только двумя, а потомъ лишь одной крайней лѣвой пушкой. Но, не взирая на это, мѣтко стрѣляла наша пушечка: скоро загорѣлся отъ ея каленныхъ ядеръ французскій пароходъ „Вобанъ“ и, весь охваченный огнемъ, долженъ былъ бѣжать изъ боевой линіи къ эскадрѣ, гдѣ немедленно погрузился въ воду, для прекращенія пожара.

Градомъ сыпались ядра, бомбы и ракеты на маленькую, ничѣмъ не защищенную горсть удалцевъ. Но твердо помнили свой обѣтъ Богу и Царю русскіе солдаты и съ одной пушкой, по волѣ Божьей, творили чудеса противъ болѣе 350 вражескихъ орудій.

Съ визгомъ разрывается граната у подъемнаго винта крайняго орудія на правомъ флангѣ батареи и, какъ подкошенный, падаетъ мертвымъ солдатикъ. А товарищи его, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, снова продолжаютъ свое славное дѣло.

Баронъ Остенъ-Сакенъ, съ бульвара наблюдающій за ходомъ сраженія, посылаетъ адъютанта спросить, не надо-ли подкрѣпить смѣльчакамъ. И адъютантъ везетъ ему геройскій отвѣтъ:—„не надо, сами управимся.“

Но вотъ... загораются кульки съ лавровымъ листомъ почти возлѣ порохового погреба... за ними вспыхиваетъ сарай пароходной комиссіи... за сараемъ рушится ядрокаильная печь. И щеголевцы-удальцы лишаются возможности дѣйствовать каленными ядрами, и должны довольствоваться холодными.

Но съ грустью видитъ герой-прапорщикъ, что и холодныя ядра истощаются. А помощь близка: сквозь грохотъ и огонь непріятельскихъ орудій подвозятъ запасы снарядовъ прапорщикъ Дудоровъ, студенты Скобогатовъ, Деминистру и Пуль.

И снова летятъ наши мѣткіе одиночные снаряды

въ непріятельскій флотъ... и снова въ отвѣтъ имъ грохочутъ залпы вражескихъ кораблей.

А съ бульвара и Пересыпи съ ужасомъ глядитъ народъ, какъ пожаръ на батареѣ все усиливается и усиливается, какъ въ огнѣ и дыму, подъ угрозой ежеминутной смерти, отстрѣливаются наши удалцы...

Во многихъ мѣстахъ загораются деревянныя амбразуры, но, какъ заколдованная, стоитъ маленькая батарея съ своей безсмѣнной командой. Даже двое раненныхъ не покидаютъ своего поста и продолжаютъ слушать команду храбраго прапорщика Щеголева.

Послѣ полудня онъ получаетъ отъ командующаго войсками записку со слѣдующими лестными словами: „Храброму, спокойному и распорядительному прапорщику Щеголеву—спасибо. Шестъ часовъ вижу“.

И онъ дѣйствительно видитъ, какъ и всѣ другіе, безумную отвагу смѣльчаковъ.

Но все ярче и ярче разгорается пожаръ... Огненные языки все приближаются и уже лижутъ ящики съ зарядами.—И только тогда, видя неминуемую гибель, командуетъ прапорщикъ Щеголевъ прекратить стрѣльбу.

Сквозь убійственный непріятельскій огонь, подъ градомъ бомбъ и ядеръ, выскакиваютъ щеголевскіе артиллеристы черезъ пылающія амбразуры.

Не успѣли они сдѣлать 15 шаговъ, какъ раздался оглушительный взрывъ. Это взорвало пороховые ящики на батарее. Радостное громогласное „ура“ донеслось съ вражескихъ кораблей. Огромный англо-французскій флотъ торжествовалъ побѣду надъ горстью русскихъ храбрецовъ.

А, между тѣмъ, прапорщикъ Щеголевъ, построивъ свою команду, съ барабаннымъ боемъ повелъ ее на сосѣднюю батарею. Но, по пути, получивъ приказаніе командующаго войсками, повернулъ на бульваръ, гдѣ былъ встрѣченъ громкими привѣтствіями, которыхъ, къ сожалѣнію, ни онъ, ни его люди слышать не могли: они временно оглохли отъ грохота орудій.

Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича.

„Любезный Щеголевъ!—Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ Царскою за него наградою.

Посылаю тебѣ Высочайшій приказъ о производствѣ тебя въ подпоручики, поручики и въ штабсъ-капитаны, грамоту со статутомъ на Всемилюстивѣйше пожалованный тебѣ орденъ Св. Георгія и самый орденъ.

Прилагаю при семь-же и Георгіевскій крестъ съ Моей груди; прими его какъ подарокъ признательнаго отца почтенному сыну.

Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу; благодарю тебя отъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ и подвигомъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести.

Запечатываю еще въ Мой конвертъ два на имя твое письма, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственныя: одно отъ всего Дворянскаго полка, другое отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ ротныхъ сослуживцевъ.

Спасибо, голубчикъ Щеголевъ; наградиль тебя Государь—наградить тебя и Богъ.

Обнимаю тебя“.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича рукою написанно

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Баронъ Остенъ-Сакенъ расцѣловалъ Щеголева и поздравилъ кавалерами знака отличія Военнаго Ордена бывшихъ съ нимъ нижнихъ чиновъ.

Да, истинно хранилъ Господь своихъ вѣрныхъ сыновъ, ибо въ то время, когда они боролись съ многократно сильнѣйшимъ врагомъ, во всѣхъ храмахъ шла божественная литургія и тысячи народа молились за нихъ. Въ соборѣ служилъ преосвященный Иннокентій. Какъ вдругъ, къ концу литургіи, во время которой грехотъ выстрѣловъ не прекращался, раздался громонотный ударъ, потрясшій стѣны храма. Въ куполѣ лопнули стекла и заколебались паникадила отъ взрыва пороховыхъ ящиковъ на Щеголевской батарее. Но спокойствіе пастыря подѣйствовало на народъ и богослуженіе продолжалось попрежнему.

Послѣ сожженія ненавистной батареи, противникъ какъ-бы успокоился. Выстрѣлы стали раздаваться все рѣже и рѣже, и, наконецъ, совсѣмъ смолкли.

Въ 3 часа дня снова загремѣла пальба съ непріятельскихъ судовъ по направленію къ Пересыпи, гдѣ, повидимому, противникъ собирался сдѣлать высадку. Но начальство заранѣе ожидало этой высадки, а потому еще утромъ на Пересыпь были отправлены шесть ротъ съ 4-мя пѣшими орудіями. Этотъ отрядъ расположился въ засадѣ во дворахъ и за заборами.

Десять непріятельскихъ барказовъ остановились въ 250 саженьяхъ, а восемь поплыли къ берегу. Но тутъ, совершенно неожиданно для атакующихъ, пустынный берегъ оживился, изъ засады выдвинулась наша артиллерія и на нихъ посыпалась русская картечь.

Переполошились непріятели, засуетились—зашатались поврежденные шлюпки и въ ужасѣ стали перепрыгивать на уцѣлѣвшіе барказы и шлюпки англичане и французы, чтобы спасти свои души, но обрывались и падали въ воду. Со стыдомъ бѣжали оставшіяся суда подъ защиту своихъ фрегатовъ. А тѣ, выждавъ время,

когда ихъ барказы очутятся внѣ огня своихъ выстрѣловъ, подняли ожесточенную пальбу по нашему берегу.

Не дорого досталась намъ побѣда надъ врагами: всего на всего, всѣми своими смертоносными орудіями, подбили они два нашихъ лафета, убили четырехъ лошадей, да ранили двухъ нижнихъ чиновъ. Ихъ бомбы и гранаты или не долетали до нашей артиллеріи, или перелетали черезъ нее. Одна шальная вражеская бомба упала между двумя орудіями и чудеснымъ образомъ не разорвалась и не причинила никому вреда. Пострадали лишь немного бѣдные жители и безъ того бѣднаго предместья: отъ непріятельскаго огня загорѣлось нѣсколько лачужекъ. Человѣческихъ жертвъ тутъ не было, ибо жители Пересыпи заранѣе перебрались на Слободку.

Тогда непріятельскій флотъ обратилъ свои дѣйствія на самый городъ, въ который еще до обѣда попало нѣсколько снарядовъ. Больше всего пострадала часть города, называемая „Греческимъ“: здѣсь въ домахъ было много пробоинъ. Въ зданіи Нарышкиной на бульварѣ, теперешнемъ дворцѣ командующаго войсками, бомба пробила стѣну верхняго этажа, прошла сквозь полъ въ нижній и разорвалась въ комнатѣ, разбивъ вдребезги всю мебель.

Въ генераль-губернаторской канцеляріи, въ домѣ князя Воронцова и въ сосѣднихъ зданіяхъ были выбиты всѣ стекла. На бульварѣ отъ пьедестала памятника герцога Ришелье бомба отбила кусокъ гранита. Бомба эта, вдѣланная въ поврежденное мѣсто, до сихъ поръ находится въ памятникѣ.

Всего противникъ повредилъ 52 каменныхъ дома и сжегъ на Пересыпи 14 обывательскихъ строеній. Во время бомбардированія, съ нашей стороны было убито 4 нижнихъ чина и 3 обывателя; въ числѣ раненныхъ находились: подполковникъ артиллеріи Мещерскій, 45 нижнихъ чиновъ и 8 обывателей; кромѣ того, 12 нижнихъ чиновъ получили контузіи.

Такъ прошелъ весь день; къ вечеру канонада стала стихать, а къ заходу солнца, къ 7 часамъ, она совершенно прекратилась. Непріятельскіе корабли опять построились въ линію, выставивъ впереди, для наблюденія за берегомъ, одинъ фрегатъ.

Между тѣмъ, наступили сумерки, среди которыхъ еще ярче выдѣлялось зарево пожара. Жители спѣшили на утихнувшій отъ грома выстрѣловъ берегъ, чтобы съ грустью взглянуть на слѣды злого нападенія и кощунства нашихъ братьевъ по Христу, не убоавшихся превратить Свѣтлый праздникъ въ кровавый бой.

Черезъ часъ только эти зловѣщіе признаки говорили о злодѣяніи, такъ какъ въ городѣ все успокоилось и начало готовиться къ Свѣтлому Воскресенью. Всѣ церкви переполнились молящимися. Въ полночь къ свѣту потухавшаго пожара присоединился свѣтъ зажженныхъ возлѣ храмовъ смоляныхъ бочекъ и площадекъ. Радостный благовѣстъ разнесся по городу. Въ соборѣ собралось все высшее начальство, офицеры и тысячная толпа. По окончаніи службы, преосвященный Иннокентій сказалъ проповѣдь, закончивъ ее слѣдующими словами:

„Враги наши, вѣроятно, не преминутъ нынче явиться противъ насъ снова въ томъ или другомъ видѣ; ибо надобно-же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что отъ вчерашнихъ ранъ своихъ, они уже не въ состояніи выйдти противу насъ на брань. Но будьте увѣрены, что, наученный опытомъ врагъ, явится безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣшіе врага, и милость Божію надъ нами, уже непрестительно было-бы явиться малодушными. Если Господь защитилъ насъ своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстояли у Его гроба, то тѣмъ паче не предастъ насъ въ жертву врагамъ нынѣ— въ день преславнаго возстанія изъ гроба. Ничто убо,—

скажемъ и мы словами св. Златоуста,—ничто да не препятствуетъ нашей радости о Господѣ“....

Не успѣли еще жители Одессы разговѣться по возвращеніи изъ храмовъ, какъ врагами была сдѣлана еще одна попытка нападенія на городъ. Думая, что все успокоилось, самый большой непріятельскій фрегатъ „Фюри“ на всѣхъ парахъ помчался въ нашъ заливъ и сдѣлалъ два выстрѣла въ Практическую гавань. Но не тутъ-то было: всю ночь готовились наши батареи и на него посыпались съ нихъ каленныя и холодныя ядра. Съ пробитой кормой долженъ былъ злополучный „Фюри“ задать тягу.

Затѣмъ еще три долгихъ томительныхъ дня прошли въ ожиданіи новаго нападенія на городъ. Просто-явъ до среды 14 апрѣля, утромъ рано, на разсвѣтѣ, отплылъ непріятельскій флотъ къ берегамъ Севастополя.

Уходя, командиръ флота, англійскій адмиралъ Дундасъ, переслалъ при письмѣ на австрійскомъ купеческомъ суднѣ 49 вольныхъ русскихъ шкиперовъ и матросовъ, захваченныхъ непріателемъ въ пути.

Они рассказали, что не мало урону понесли вражескіе пароходы, что много на нихъ раненныхъ и убитыхъ англичанъ и французовъ и что среди послѣднихъ былъ командиръ одного изъ судовъ. Похороны непріятельскихъ моряковъ и погребеніе ихъ въ море, при опущенныхъ флагахъ, происходили на глазахъ нашего народа, гуляющаго на бульварѣ.

Въ четвергъ 15 апрѣля, при огромномъ стеченіи жителей, состоялся на Михайловской площади общій парадъ войскамъ Одесскаго гарнизона, радостно и благодарственно привѣтствуемаго толпой.

Общее горе и общая радость сроднили всѣхъ жителей Одессы, безъ различія націй и вѣры. Многие французы и англичане, возмущенные своими, приняли подданство Россіи.

Понемногу все улеглось и жители приступили къ

своимъ обычнымъ занятіямъ. Только войска продолжали ожидать врага. На берегу строились новыя батареи, подошли подкрѣпленія...

Въ ночь на 30 апрѣля, у крутого берега, близъ Воскресенскаго монастыря, послышался залпъ. То былъ призывъ о помощи, заблудившагося въ густомъ туманѣ и сѣвшаго на мель англійскаго парохода „Тигръ“.

Но не помощь, а гибель принесла ему эта неосторожная попытка. На звуки его выстрѣловъ, по распоряженію начальства, были отправлены изъ колоніи Люстдорфъ два полевыхъ орудія, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ резервнаго баталіона Днѣпровскаго полка и взвода уланъ.

Наши мѣткіе выстрѣлы сдѣлали нѣсколько пробоинъ въ фрегатъ, оторвали ногу командиру его—Гиффарду и принудили всю команду къ сдачѣ въ плѣнъ. А въ это время на звуки пальбы спѣшили на выручку „Тигра“ еще два непріятельскіе парохода. Въ виду приближенія ихъ, баронъ Остенъ-Сакенъ приказалъ снять всѣхъ раненныхъ съ „Тигра“ и зажечь его.

Плѣнная команда парохода „Тигра“ была отправлена въ карантинъ. Раненныхъ на фрегатъ оказалось всего 5 человекъ. Въ плѣнъ взяты: командиръ парохода капитанъ Гиффардъ, 24 офицера и 201 человекъ гардемариновъ и матросовъ.

Въ отвѣтъ на потопленіе своего корабля, два подоспѣвшихъ къ нему на помощь непріятельскихъ парохода открыли ожесточенную пальбу по нашимъ войскамъ. Завязался упорный бой. Два часа подрядъ продолжалась жестокая перестрѣлка между нами и противникомъ.

Восемь орудій 16 артиллерійской бригады, подъ начальствомъ полковника Гороновича и четыре пушки 10 резервной артиллерійской бригады, съ капитаномъ Верховскимъ во главѣ, дали настолько дружный от-

поръ непріятельскимъ судамъ, что тѣ должны были удалиться и стать внѣ выстрѣловъ.

Въ два часа пополудни бой прекратился.—Въ этой перестрѣлкѣ мы потеряли двухъ рядовыхъ, да трехъ лошадей. Кромѣ того, были легко контужены два офицера.

А между тѣмъ, „Тигръ“ медленно сгоралъ и въ 7½ часовъ вечера, когда огонь достигъ пороха, сложенного въ трюмахъ, со страшнымъ взрывомъ взлетѣлъ на воздухъ и затонулъ.

Одна изъ находившихся на немъ бомбическихъ пушекъ была въ послѣдствіи поднята съ морского дна и нынѣ воздвигается, какъ военный трофей, на Николаевскомъ бульварѣ.

Видъ этой громадной пушки*), пожалованной Одессѣ Императоромъ Николаемъ I, всегда будетъ напоминать намъ о славной оборонѣ города и о побѣдѣ надъ многочисленнымъ соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ нашихъ маленькихъ, но молодецкихъ батарей.

Не забудетъ Одесса и памяти своихъ убитыхъ защитниковъ, большинство которыхъ похоронено на военномъ кварталѣ новаго христіанскаго кладбища.

Стерлись имена ихъ на крестахъ и памятникахъ, но они записаны въ старыхъ погребальныхъ книгахъ и въ сердцахъ молящагося объ упокоеніи ихъ геройскихъ душъ русскаго народа.

Сохранился только памятникъ на братской могилкѣ двухъ нижнихъ чиновъ, убитыхъ выстрѣлами съ фрегата „Тигръ“.

— Тутъ, недалеко отъ берега, гдѣ нашли они свою преждевременную кончину, пріютилась у храма Воскресенскаго монастыря**) ихъ скромная могила съ памятникомъ, воздвигнутымъ одесскими купцами

*) Вѣситъ она 250 пудовъ.

**) Монастырь этотъ находится у Средняго Фонтана, близъ лагерей.

Потопленіе англійскаго парохода „Тигра“ 30 апрѣля 1854 года.

братьями Посоховыми. Надпись на бѣломъ мраморѣ памятника гласитъ:

„Здѣсь покоятся рабы Божіе, Григорій Прокофьевъ и Иванъ Потеруха, артиллеристы, убитые при взятіи англійскаго парохода „Тигра“ 30 апрѣля 1854 года. Сей памятникъ сооруженъ Одесскими купцами, братьями Андреемъ и Иваномъ Посоховыми.“

Не остались безъ достойной награды и оставшіеся въ живыхъ защитники города.

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадетъ.

Горячо благодарилъ Императоръ Николай I свое воинство и пожаловалъ ему слѣдующія отличія:

Прапорщика Щеголева повелѣно было произвести сразу въ подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны. Георгіевскій крестъ съ собственной груди Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича украсилъ мундиръ доблестнаго героя.

Батарея его на Военномъ молѣ названа въ честь его *Щеголевскою*.

Командующему войсками барону Остенъ-Сакену пожалованъ орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Всей прислугѣ Щеголевской батареи Государь соизволилъ приказать выдать не въ зачетъ годовое жалованье и назначить отъ Его Императорскаго Величества еще десять знаковъ отличія Военнаго Ордена, кромѣ тѣхъ, какіе были уже розданы барономъ Остенъ-Сакеномъ. Въ числѣ удостоенныхъ этой награды были также добровольно принявшіе участіе въ дѣйствіяхъ Щеголевской батареи—кондукторъ парохода „Андія“ Федоръ Рыбаковъ и отставной фейерверкеръ Осипъ Ахлупинъ.

Дивизиону, отбившему высадку противника на Пересыпь, пожалованъ окладъ годового жалованья и по одному знаку Военнаго Ордена на орудіе.

Всѣмъ прочимъ войскамъ выдано по одному царскому серебрянному рублю на челоуѣка.

Студенты-добровольцы: Деминистру, Скоробогатовъ и Пуль, подвозившіе снаряды Щеголеву, были зачислены въ портупей прапорщики и получили знаки отличія Военнаго Ордена.

Жители города Одессы удостоились милостивой Высочайшей грамоты,

Прошло 50 лѣтъ.—Ровно полвѣка.—Но не забыты герои Одессы. Въ честь прапорщика Щеголева недавно постановлено назвать часть Приморской улицы *Щеголевской*.—А въ скоромъ времени Одесса украсится и памятникомъ Щеголеву,—ему во славу, а потомству въ назиданіе.

Нѣкоторые изъ участниковъ обороны Одессы живы еще и до сихъ поръ.

Пожелаемъ-же имъ еще много лѣтъ здравствовать на гордость и утѣшеніе Россіи, а погибшимъ въ бою скажемъ: „вѣчная и славная вамъ память“....

В. Черемисиховъ.

